

16+

Кристина Борис

Расправа

Кристина Борис Расправа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66550806

SelfPub; 2021

Аннотация

Заключённый по имени А. подвергается пыткам со стороны надзирателя-садиста. Понимая, что никакой закон его не защитит, он признаётся своей жене, что больше не хочет жить...

Кристина Борис

Расправа

Капля, свисавшая ещё секунду назад с почерневшего от сырости потолка, упала на искусанные губы заключённого. Прохладная, с землистым привкусом, влага прокатилась по трещинкам губ к уголку рта, заставив мужчину с трудом поднять руку и избавиться от щекотки.

А. открыл глаза. Он всё ещё был жив и всё ещё находился в этой ненавистой камере, которая стала ему жилищем уже больше года. Если бы не письма жены, он не знал бы, сколько прошло уже времени. Ему казалось, что пребывает он здесь уже целую вечность.

Каждый день был до ужаса похожим. Поначалу стены будто бы высасывали силу своей мрачностью и обилием плесени, однако со временем они стали нечто привычным и, как бы ни гонял А. это дорогое слово, родным.

А. уже смирился с тем, что он проживёт здесь ещё очень много дней. Его уже не пугала неизвестность. Надежда не придавала сил, а её свежий поток из писем заключённый отвергал, так как боялся вновь принять и потерять.

Когда А. оказался здесь, он храбрился и стойко принимал все тяготы пребывания в тюрьме, ведя себя дерзко и весело.

Однако, со временем, когда все важные события семьи проходили без него, а новости становились всё мрачнее и мрачнее, мужчина стал понимать, что выйдет он отсюда нескоро.

А. был непростым заключённым – он не совершал преступлений с совестью и моралью. Он всего лишь был неудобен некоторым лицам, которые могли купить всё, включая жизнь человека.

До того как мужчина оказался в тюрьме, А. работал обычным журналистом, был женат на обычной женщине и воспитывал обычных детей. Однако любил он биться за правду и справедливость – за что и поплатился.

Когда надежда стала неминуемо угасать, на её место пришло отчаяние. Отчаяние заставляло нарушать режим и не соблюдать приказы. Оно наводило страшные мысли о том, что он больше никогда не поцелует свою жену, не обнимет детей и пропустит всё, что хоть как-то было связано с его прошлой жизнью до того момента, как он оказался запертым в этих стенах.

Вскоре выходки мужчины стали уже нечто обыденным, потому никто из служащих уже не удивлялся его крикам или дебошам посреди ночи. Карцер для А. стал постоянным местом пребывания.

Служащих это даже веселило – человек, который не падал духом и раздражал своим жизнелюбием и бунтарством, всего лишь говорил то, что думает их начальникам.

Однако с приходом нового работника по имени Я. заключённый перестал веселить людей своим поведением. Теперь от бывшего весельчака осталась лишь внешняя, весьма покалеченная оболочка, которая лишь как-то наводило воспоминание о прошлом бунтаря.

Я. – человек, которому нравилось причинять боль, да и физически он был большим и могучим человеком, от которого исходила опасность. Его переводили из одной тюрьмы в другую, так как даже тем, кто работал в исправительных учреждениях, было некомфортно находиться рядом с этим человеком. Таких людей даже там всячески избегают.

Работал он исправно и даже слишком. Нередко он получал выговоры за преувеличение своих полномочий, однако никогда Я. серьёзно не наказывали, так как если надо было сделать грязную работу, поручали её именно ему.

Частенько Я. оставался после работы и ни разу не отпрашивался, если его смены ставили на праздники, когда многие хотели побывать в эти дни с семьёй. Нет, у него была семья, однако он, зная про свои наклонности, оставался на работе как можно больше, чтобы не позволять монстру, что жил внутри него, вырваться на его семью.

С появлением сына, Я. стал помягче, однако такое состояние длилось всего лишь полгода. Затем он стал практиковать такие постоянные ночевки, дабы уберечь семью от самого себя.

К сожалению, когда Я. только перевели в эту тюрьму, он стал свидетелем очередного безобидного, но раздражающего поступка А. Именно тогда вечером Я. дал понять, что научит заключённых дисциплине на примере этого мужчины. Тогда А. пролежал в госпитале десять дней.

Были совершены ещё пара попыток выразить свой протест души, однако сила Я. заставляла заключённого умолкнуть. Несколько раз он ломал руку А. в одном и том же месте, когда кости ещё только успевали срастись. Нос был искривлён лишь однажды, а лицо постоянно испытывало на себе новые причуды садиста, превращаясь каждый раз в лиловое месиво.

На место отчаяния пришло смирение и безразличие. Стены камеры для А. теперь стали не просто родным домом, а нечто большим – сигналом того, что пытка закончилась, и он может передохнуть в этой тихой гавани ночь, чтобы встретить очередной день. С другой стороны стены вызывали отвращение, ведь они напоминали о том, что он и Я. всё ещё здесь, а значит их дальнейшая встреча неминуема.

Страх притупился на третьей поломке руки. Мужчина уже не препирался и не проказничал, чтобы не давать повод для встречи наедине с Я. в его кабинете с одиноким табуретом посередине. Но это всё равно не спасало его.

Теперь заключённого водили к Я. за малейшие пробле-

мы: случайно выронил миску, много взял книг в библиотеке, просто задал вопрос, не убрал паутину с потолка.

А. понимал, что ему не светит быстрый уход отсюда, но теперь к нему стало приходить чёткое осознание того, что он отсюда не выйдет вообще, так как ему здесь просто не дадут выжить.

Чтобы больше не испытывать мук от встреч с Я., для которого тот стал любимчиком, он пытался несколько раз покончить с собой, однако, как назло, все попытки пресекались, а если удавалось навредить себе, ему оказывали вовремя помощь, будто намеренно продлевали его жизнь.

Однажды он обратился к санитарам с просьбой остановить этот беспредел и дать возможность совершить начатое до конца:

«Вы боитесь, что, если меня не станет, вы станете его очередной игрушкой для битья?» – вопрошал он санитаров. Однако те ничего ему не отвечали.

В письмах к своей жене А. долго не писал про новопривышедшего садиста, который превратил и так его несладкую жизнь в сущий ад. Но во время личного свидания вид заключённого сам сказал всё за него.

Женщина не унималась и пыталась добиться правды, почему её муж так сильно избит – на что она получала краткое «Упал сам».

Больше всего несчастную мучило то, что сам А. не смел

ей ничего сказать, ускользая от этой темы. Ни инстанции, ни суды, ни встречи с уполномоченными лицами – ничто не могло так ранить сердце, как пугливое молчание мужа, от которого осталось лишь воспоминание.

Что-то происходило, но А. боялся ей рассказать, а это давало простор самым жутким подозрениям, которые, увы, были правдой.

В один из бытовых, но по-странному пустых вечеров, женщина получила письмо от своего любимого. В нём таилось её облегчение и, одновременно, тревога: А. наконец-то признался, что он регулярно испытывает в тюрьме:

«Моя дорогая... моя любимая... прости.

Я не мог об этом сказать или написать ранее, боясь, что правда скорее всего навредит тебе и нашим детям. Однако... в глубине души я понимал, что боюсь об этом рассказать из-за страха, что больше навлеку беды на себя.

Я боялся. Но теперь... теперь я не испытываю подобного страха. Я просто устал. Устал бояться. Устал терпеть. Устал сражаться. Бой уже давно проигран.

Увидев твоё лицо, я понял, что от прежнего меня уже ничего не осталось. Здесь мне с этим прекрасно помогают...

И это не закончится никогда.

Прошу тебя, не ищи справедливость. Её в этих стенах нет. С каждым твоим письмом, с каждым интервью, с каждым звонком я чувствую, что удары, что получаю я здесь, становятся сильнее и сильнее.

Я не виню тебя – ты молодец. Я лишь жалею тебя и наших детей. Прошу, не цепляйся за меня, а посвяти себя настоящей жизни. Дай детям возможность не бояться, не вспоминать об отце, не плакать по пустякам...и начни сама жить обычной жизнью.

Я слишком устал, чтобы бороться. А бороться одному воину в крепости врага – поступок хоть и храбрый, но крайне неразумный и обречён на смерть.

Что ж, трусливо говоря, я обречён.

И потому прошу тебя помочь.

В очередной раз у меня сломана рука. Да...конечно...упал. А лицом я сам падаю о бетонные плиты. Да...делай вид, что веришь этому.

Но знаешь, уже надоело падать. Надоело существовать для вечного падения. Вчера мне ломали тело, а сегодня...сегодня я понял, что они добились своего – они сломали мою душу.

Я надеюсь, что шлю последнее письмо, иначе я не заслужил такого жуткого наказания как долгая жизнь в этом месте.

Ты не поймёшь меня, но я и не прошу. Я очень хочу, чтобы вы меня никогда не понимали...в этот момент. Чтобы он с вами никогда не наступил, ведь вы, самое дорогое, что есть у меня, и, этого я начисто лишён.

Прости меня за это письмо, но моё решение – лучшее доказательство того, что я вас люблю...»

Прочитав письмо, женщина рухнула на диван и, уставившись в одну точку, молча слушала как тикали часы на кухне. Руки невольно затряслись и письмо упало на пол...

Женщина укладывала в посылку вещи. Пачки с лапшой быстрого приготовления, новое бельё, носки, сахар, чай, печенье, несколько новых книжек, купленных в букинистическом магазине, зубная паста, конверты, карандаши, ручки и шоколадка.

В тот вечер, когда письмо оказалась в её руках, она не могла сомкнуть глаз. Женщина давно уже подозревала об избияниях и, наконец-то, получила свою правду, от которой, к сожалению, становилось легче лишь на малую долю секунды.

Он ещё был жив. Телесно. Но душа его хотела покинуть это место навсегда. Либо смерть, либо безумие, либо попытки найдут слишком далеко и из него сделают инвалидом или... «Хватит!» – отчаянно кричало внутри неё.

Мысли бороздили её голову, заставляя мучиться с ещё большей силой. Она хотела как-то помочь своему мужу, но прекрасно понимала, что может сделать ему только хуже. Он сам об этом писал.

Нужно лишь смириться и молча сойти с арены. Но как можно покинуть бой, зная, что А. её остаётся там?! И никто не давал слова, что муки не прекратятся. Любой вариант со-

бытий был проигрышный и для неё, и для мужа:

«Кто бы это ни был. Всех их ждёт расплата за моего мужа. За то, что они с ним делают! Придёт! Рано или поздно, ...но придёт... а я подожду...»

Оставался лишь один ход. Он был жестоким, но самым гуманным и выигрышным. Он положит конец мучениям мужа, но она будет жить с этим горем до конца своих дней, коря себя с новой силой. И никто ведь тоже не давал гарантий, что боль от этого решения со временем сможет притупиться.

Но так было бы лучше для него. А это лучший исход событий.

Ответ себе таила шоколадка, которая была отравлена и аккуратно упакована в новую обёртку. Даже если её и вскроют – ничего не заподозрят...

Женщина обматывала коробку скотчем, а слёзы предательски застилали глаза.

Она должна это сделать.

«Не для себя...

А для него...

И для детей...»

С этими мыслями она спохватилась, что забыла вложить письмо для А., в котором она писала, что поняла его и шлёт ему то, что покончит конец его мучениям.

Разорвав скотч, женщина поспешно втиснула конверт в появившееся отверстие и поспешно заклеила коробку.

– Представляешь, жена позвонила и передала, что сынок на утреннике рассказал стихотворение без запинки. А на общей песенке ещё помогал и другим, кто забыл слова. Он у меня умница, – хвалился Я. перед напарником, выкуривая сигарету. – Так волнительно, что снова закурил. Такой смыслёный у меня сын! Совсем не похож на меня. Я уже с детства был не подарок.

– Да, дети – это радость. У меня тоже моя дочка такая же. Маленькая, а иногда такие вещи говорит, что стоишь и недоумеваешь. Ребёнок, а такие мысли умные высказывает, что не всякий взрослый человек додумается, – усмехнулся напарник, потушив сигарету о пепельницу на крыльце.

– Впервые жалею, что остался на работе в такой момент. Ты не представляешь как сильно я его люблю. Он меня изменил...

Ну ты же знаешь мой характер...

Так я раньше ещё хуже был.

Один раз вообще один заключённый на тот свет отправился из-за меня, но с появлением сына я как-то смягчился. Я и представить себе не мог, что такое может быть. Избить могу, не спору. Но с тех пор никаких летальных случаев.

А характер, знаешь, берёт своё. Силу хочется иногда проявить.

Что жена, что сынок – не нарадуюсь, прихожу домой и радуюсь своей идиллии. Вот и беру лишние смены, чтобы на

семью мой характер не вылился. А тут своя смена и раз, жалую об этом, – Я. взглянул на свои часы на руке. – Ну ничего, ещё тридцать минут, и конец моей смены. Да только магазины не работают, а сына надо как-то порадовать. Молодец всё-таки.

– Так пойдёшь глянь в посылках для заключённых, может что найдёшь сыну. Кто ж докажет, что забрали. Потерялось и всё.

– О, отлично, сейчас и схожу-ка. Ну давай, – Я. пожал руку напарнику. – Следи за порядком.

– Давай.

Я. прохаживался вдоль рядов, на которых были расставлены коробки. Все они уже были вскрыты до него для проверки для поиска запрещённых вещей.

Взгляд мужчины остановился на вскрытой коробке, предназначенной для А.

«О, любимчик!» – злорадно подумал про себя Я. и направился к посылке, предназначенной ему.

«Не то, не то, не то. Письмо, неинтересно. О, шоколадка! Как раз!»

Я. решительно схватил шоколадку и направился к выходу. У двери стояла сотрудница, которая заворачивала разобранные посылки. Мужчина замялся, крутя в руке шоколадку:

«Лен, ну короче тут прихватил сувенирчик – сыну что-то

надо подарить. Больше ничего такого не брал.

Если этот бунтарь что-то заподозрит и будет возникать, пригрози мной. Я с ним быстро найду общий язык. А так всё, сейчас я добренький. Надо угощение сыну подарить. Всё, я пошёл».